

В. И. АЛАТЫРЕВ (Ижевск)

ОБ АВТОРСТВЕ ПЕРВЫХ ЧУВАШСКОЙ, УДМУРТСКОЙ И МАРИЙСКОЙ ГРАММАТИК

По вопросу авторства изданных в Санкт-Петербурге первых научных грамматик «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» (1769), «Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка» (1775) и «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка» (1775) существуют две точки зрения: 1) все названные грамматики написаны самостоятельно архиепископом Вениамином Пуцек-Григоровичем; эта точка зрения общепринята и официальна; 2) грамматики составлялись коллективно под руководством архиепископа Вениамина Пуцек-Григоровича.

В литературе, посвященной истории наук в России, впервые, кажется, упоминается о Пуцек-Григоровиче как об авторе указанных грамматик в 1875 г. (См. Систематический и алфавитный указатель статей, помещенных в периодических изданиях и сборниках импер. Академии наук, а также сочинений, изданных Академией отдельно II, СПб. 1875, стр. 225 и Библиография Азии III, СПб. 1894, стр. 22, 117; автор Межов).

Известный русский филолог С. К. Булич, основываясь на этих источниках, в труде «Очерк истории языкознания в России» (т. I, СПб. 1904, стр. 432—433, 446) высказался более определенно о том, что все названные грамматики составлены именно архиепископом Вениамином.

Т. И. Тепляшина, анализируя язык и структуру «Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка», пишет: «Автор грамматики не указан. Однако из литературных источников узнаем, что эту книгу составил казанский архиепископ, позднее митрополит Вениамин Пуцек-Григорович» (Памятники удмуртской письменности XVIII в., вып. 1, Москва 1966, стр. 121). Конкретно на автора данного «Сочинения» указывает наличие «в рукописном сводном каталоге изд. XVIII в. Ленинградской библиотеки Академии наук» фразы: «в марте 1770 г. в журнале академической комиссии было записано распоряжение напечатать 300 экземпляров, присланных от Вениамина (Пуцек-Григоровича) грамматик вотского и черемисского языков» (Т. И. Тепляшина, указ. раб., стр. 121). Однако в цитированном Т. И. Тепляшиной тексте не говорится, что автором «Грамматик» является Вениамин Пуцек-Григорович, там сказано: «присланных от Вениамина». В. Пуцек-Григорович как автор вышеназванных «Грамматик» рассматривается и в справочных пособиях (см. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800 гг. I, Москва 1962, стр. 150; Библиографический словарь отечественных тюркологов. До-октябрьский период, Москва 1974, стр. 240).

Вторая точка зрения впервые высказана В. Г. Егоровым в статье «Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г.» (— Тюркологический сборник, вып. I, Москва—Ленинград 1951, стр. 85—92). Автор пишет: «Мы ... ни в коем случае не можем согласиться приписать их (три грамматики — В. А.) одному автору. Хотя они составлены приблизительно по одному типу, но грамматика чувашского языка значительно отличается от двух других грамматик ... Помимо того, трудно согласиться, чтобы Пуцек-Григорович в короткий срок смог в совершенстве изучить эти разноструктурные языки (тюркской и финской групп), а потому и в биографических

сведениях о нем нигде не упоминается ни о составлении, ни о редактировании им этих грамматик. Вполне возможно допустить, что грамматики эти составлены были в Казани духовными лицами Казанской епархии по предложению и настоянию архиепископа Вениамина Пуцек-Григоровича» (стр. 86—87). В. Д. Дмитриев, соглашаясь с основными положениями В. Г. Егорова, пишет, что «первая чувашская грамматика была составлена в Казанской духовной семинарии под руководством В. Пуцек-Григоровича, по-видимому, при участии учащихся-чувашей» (Документы об издании книги «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка». — Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института, вып. XXXIV, Чебоксары 1967, стр. 155). Мнение В. Г. Егорова разделяют и некоторые финно-угроведы за пределами Советского Союза. Например, А. Раун в предисловии к переизданной в США марийской «Грамматике» 1775 г. (*The First Cheremis Grammar, Chicago 1956 (Studies in Cheremis 3)*) пишет, что «единственно возможное заключение — это то, что три грамматики (чувашская 1769 г., удмуртская и марийская 1775 г. — В. А.) не могли быть написаны одним и тем же автором, а только создавались по одним общим руководством». Примерно эту же точку зрения разделяет Д. Дечи в предисловии к переизданной (в факсимиле) удмуртской «Грамматике» 1775 г. (*The First Votyak Grammar, Bloomington 1967 (UAS 81)*).

Мы разделяем некоторые основные положения В. Г. Егорова. Действительно, всесторонний анализ лексики, грамматических форм, стиля изложения, орфографии и фонетических норм, диалектной основы и структуры построения грамматики удмуртского языка, детальное сравнение ее с соответствующими грамматиками чувашского и марийского языков, изучение истории издания их, досье и биографии Пуцек-Григоровича приводят к выводу, что грамматики представляют собой плод коллективного труда.

В XVIII в. (позднее) метод коллективного составления филологических трудов уже применялся. «Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих, а именно: россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис...» был составлен (в 1785 г.) «в Нижегородской семинарии от знающих оные языки священников и семинаристов.» Попы и дьячки, знающие языки названных народов, вызывались в духовную семинарию из других городов и сел. Полагаем, что подобным же образом привлекались знатоки упомянутых языков и при составлении грамматик. На этот прием составления чувашской грамматики указывает и В. Д. Дмитриев (указ. раб., стр. 157—158). Историки, изучавшие развитие народного образования в дореволюционный период, показывают, что инородческие учащиеся новокрещенских, архиерейских и славяно-латинских школ неплохо переводили русские тексты на свои языки. Как полагают В. Г. Егоров и В. Д. Дмитриев, написание «Грамматик» было организовано при Казанской духовной семинарии. Была составлена общая структурная схема для всех трех. Характерно, что эта схема в основе своей совпадает со структурой «Российской грамматики» М. В. Ломоносова и учебных пособий по русскому и античным языкам, действовавших тогда в школах и семинариях. В чем конкретно заключаются сходства названных трудов?

1. Однотипны названия.

2. В основном аналогичны разделы, во всех грамматиках отсутствуют разделы, посвященные фонетике или синтаксису. Изложение начинается с имени существительного.

3. Перечень существительных и глаголов дан по одной схеме: а) в первом столбце существительное в именительном падеже, во втором — форма родительного падежа (двухсложные слова чаще с конечным звуком или звуками основы), перевод на русский язык.

Чув.

Удм.

Мар.

конь нынь 'день'

нуналъ налъ лэнь 'день'

кече нъ 'день'

тола ланнъ 'пшеница'

гудыри ри лэнь 'гром'

кюдюрцо цюнь 'гром'

ойхъ игыннъ 'луна, месяц'

толзъ лэзь лэн 'луна'

тылзе нъ 'луна'

б) В первом столбце дается глагол в 1 л. ед. ч. настоящего времени, во втором — перевод его на русский язык. Инфинитивные и другие формы не указываются:

Чув.	Удм.	Мар.
<i>хывадапъ</i> 'кладу'	<i>кизисько</i> 'сею'	<i>вучемъ</i> 'жду'
<i>пырадапъ</i> 'иду'	<i>мынысько</i> 'иду'	<i>міемъ</i> 'иду'
<i>мохтадапъ</i> 'хвалю'	<i>кулысько</i> 'умираю'	<i>колемъ</i> 'умираю'

4. Форма творительного (или относительного) падежа квалифицируется как «предлог» (т. е. послелог). Кроме творительного падежа, ни одна из падежных форм не интерпретируется как «предлог» (послелог).

5. Иногда одни и те же грамматические явления, общие для всех языков, в «Грамматиках» чувашского и удмуртского языков излагаются одинаково (и стиль, конструкции предложений одинаковы), а в «Грамматике» марийского языка совсем иначе. Например:

Чувашская «Грамматика» начинается: «Из восьми частей слова в первых читается имя, а при имени в чувашском разговоре примечается только склонение, число и падеж».	Удмуртская «Грамматика» начинается: «Из восьми частей речи в первых читается имя, и при имени в вотском разговоре примечается только склонение, число и падеж».
--	--

Марийская «Грамматика» начинается иначе и последовательность суждений в ней иная: «Сочинения, принадлежащая до черемиския грамматики, в которой во первых о имени. К имени в черемиском разговоре принадлежит склонение, число, падеж и ударение».

6. В отдельных случаях авторы, писавшие грамматику одного языка, очевидно, заимствовали некоторые теоретические положения из грамматики другого языка, т. е. составители разных групп консультировались друг друга. Так, в чувашской «Грамматике» говорится: «Сии литеры: *с* вместо *з*, *п* вместо *б*, *д* вместо *т*; *г*, *х* и *к* вместо *г*, *ш* вместо *ж*, *ч* вместо *дч*, и в склонениях через падежи имен, и в глаголах часто одна вместо другой выговариваются» (стр. 34). В основном то же в удмуртской «Грамматике»: «Сии литеры: *э*, *и* вместо *ы*, *з* вместо *с*, *п* вместо *б*, *д* вместо *т*, *г* вместо *к* и *г*, *ч* вместо *ц*, *іо* вместо *о* вотяки одну вместо другой выговаривают» (стр. 5). И опять-таки, по содержанию эти цитаты не совпадают полностью; чувашский текст дан после списка существительных и таблиц склонений, а удмуртский — до них. В марийской же «Грамматике» подобных рассуждений вообще нет.

Эти сходства отражают общую схему всех «Грамматик». Разумеется, однотипность изложения некоторых структурных элементов в тех или иных учебных пособиях или трактатах не может служить основанием (особенно без учета экстралингвистических явлений) для утверждения, что все работы написаны одним лицом. Из истории языкознания известно, что по образцу одних лингвистических трудов, посвященных анализу норм одного языка, составлялись труды, в которых анализировались нормы других языков. Яркой иллюстрацией этого положения могут служить учебники по отдельным национальным языкам (например, удмуртскому, марийскому, мордовским, коми, татарскому, башкирскому и т. д.), составленные и изданные в 1932—1941 гг. Они почти точно следовали схемам учебников русского языка.

При детальном сравнительном анализе структуры, содержания и стиля изложения фактического языкового материала трех «Грамматик» выявляются и различия между ними. Нет почти ни одного раздела, абсолютно аналогичного во всех «Грамматиках» (по структуре, содержанию и стилю).

1. В чувашской «Грамматике» имеется предисловие (2 стр.), в остальных его нет.

2. В чувашской «Грамматике» раздел, посвященный существительным, дан без заглавия; в удмуртской он назван «О склонении», в марийской — «О имени».

3. В чувашской и удмуртской «Грамматиках» считается, что основой определения и функционирования падежей является число, а в марийской — склонение.

4. В чувашской «Грамматике» приводятся таблицы падежных окончаний существительных под заголовками: «Изображение первого склонения» и «Изображение второго склонения»; в удмуртской «Грамматике» таких таблиц вообще нет, а в марийской они озаглавлены «Краткое изображение первого склонения», «Краткое изображение второго склонения».

5. В чувашской «Грамматике» склонение притяжательных существительных не представлено; в удмуртской оно имеется, но парадигма простого склонения в цельном виде отсутствует; в марийской «Грамматике» наличны парадигмы простого и притяжательного склонений.

6. В чувашской и удмуртской «Грамматиках» список существительных помещен сразу после таблиц склонения. В удмуртской дана семантическая классификация с соответствующими названиями, например, «О человеке», «О земле», «О земледелии», «О пище», «О питании», «О деревьях» и т. д. — всего 16 разделов. В марийской же «Грамматике» список существительных приводится после главы «Местоимение» и выделены 15 глав. В чувашской «Грамматике» существительные в списке приводятся без какой-либо семантической классификации.

7. В чувашской «Грамматике» объясняется, на какие вопросы отвечают падежи: «Именительный поставляется на вопрос кто или что? Родительный на вопрос чей, чья, чье и чего?» В удмуртской и марийской «Грамматиках» падежи в этом аспекте системно вообще не анализируются.

8. В чувашской «Грамматике» о прилагательных сказано следующее: «Имена прилагательные у чуваш в числе наречий считаются, родов и чисел не имеют и через падежи не склоняются. Они суть следующие» (стр. 35) и далее идет список слов, причисленных к прилагательным — более 140. Однако затем дается заголовок: «Имена прилагательные склоняемые», куда включены местоимения *порде* (совр. лит. *пурте* 'весь (все)', *икше* (совр. лит. *иккёш*) 'оба', числительные *висьсе* (совр. лит. *виçç*) 'три', *пиллек* (совр. лит. *пилл*ек 'пять').

В удмуртской «Грамматике» о прилагательных говорится: «Имена прилагательные у вотяков через падежи в обеих числах не склоняются» (стр. 40) и приводится список слов, причисленных к разряду прилагательных — около 120. Причем в этот разряд попали явные наречия *пудень* 'пешком', *уинь* 'ночью' и т. д.; существительные *кёнёнлен* 'у волка', *дзицилен* 'у лисы' и др.; числительные *квиньмет* 'третий'; причастия *висись* 'больной', т. е. 'болеющий', *ужась* 'трудолюбивый', т. е. 'работающий'.

Совсем иные трактовку и анализ прилагательных находим в марийской «Грамматике», где указывается, что прилагательные имеют разные окончания, «перед именами существительными не склоняются, к «существительным... прилагаются», но без существительных «склоняются через все падежи и оба числа по правилам и примерам склонений имен существительных...» (стр. 38—39). Далее приводится парадигма склонения прилагательного *патырь* 'сильный, богатыйский'. Дается пример склонения сочетания прилагательного с существительным *яндарь пиль* 'светлое облако'. Отмечается, что «прилагательные имеют также уравнильный и превосходный степени», даются формы образования их. Слов, включенных в список прилагательных, около 50 и почти все относятся к качественным именам, т. е. нет явных наречий или явных существительных, как в удмуртской «Грамматике».

9. В чувашской «Грамматике» в разделе «Имена числительные» приведено в списке 23 слова без каких-либо пояснений; в удмуртской — 33, только количественные; в марийской — количественные и порядковые числительные (до шести), указываются нормы связи числительных с другими именами, говорится о склонении и ударении.

10. Раздел о местоимении в чувашской и удмуртской «Грамматиках» назван «О склонении местоимений»; в марийской — «О местоимении».

11. В чувашской «Грамматике» следуют друг за другом разделы «О спряжении глаголов» и «Глаголы» (список); в удмуртской — «О спряжении глаголов», «Глагол

существительный» и «Глаголы» (список). Иные система и анализ глаголов в марийской «Грамматике». Если в чувашской и удмуртской «Грамматиках» раздел о глаголах идет после раздела о местоимениях и теоретических суждений в них мало, то в марийской он следует за перечнем существительных и делается пространная для того времени попытка теоретически проанализировать отдельные глагольные категории. Введены следующие главы: «О глаголе» (стр. 72—73), «О роде или залоге глаголов» (стр. 73—75), «О отрицательных залогах» (стр. 76—77), «О наклонениях» (стр. 77—80), «О временах» (стр. 80—84), «Спряжение существительного иноспрягаемого глагола» (стр. 84—89), глаголы «Первого спряжения действительные» (стр. 90—93), «Отрицательный залог глагола действительного» (стр. 93—97), «Страдательный общий» (стр. 97—104), глаголы «Второго спряжения действительные» (стр. 104—112), «Винсловный залог» (стр. 112—120).

12. В чувашской и удмуртской «Грамматиках» теоретических суждений о причастиях нет. В чувашской после спряжения знаменательных глаголов приводятся формы: «Причаст. наст. вр.» и «Причастия прош. вр.»; в удмуртской причастия отнесены к неопределенному наклонению. В марийской «Грамматике» сделана попытка рассмотреть причастия теоретически и выделены главы: «О причастии» (стр. 120—121), «Действительное» (стр. 121), «Страдательный собственный» (стр. 122—123), «Средний» (стр. 123), «Винсловный» (стр. 123).

13. Если в чувашской «Грамматике» список глаголов идет непосредственно после «Спряжения» и в удмуртской — после т. н. «Глаголов существительных», то в марийской он дан после глав, посвященных причастиям.

14. В чувашской «Грамматике» в разделе «О спряжении глаголов» выделены времена: 1) настоящее, 2) прошедшее и 3) будущее.

В удмуртской «Грамматике» даны: 1) настоящее, 2) несовершенное прошедшее, 3) совершенное прошедшее, 4) давнопрошедшее, 5) будущее. В марийской «Грамматике» даны: 1) настоящее, 2) прошедшее совершенное, 3) давнопрошедшее, 4) будущее.

15. В чувашской «Грамматике» к неопределенному наклонению отнесена форма *-ась*: *каварась* 'простить, прощать' (*каварь* 'ты прости, прощай'). В удмуртской «Грамматике» к этому наклонению отнесены собственно инфинитив (*вераны* 'говорить'), причастие (*верась* 'говорящий, сказывающий'), деепричастие (*вераса* 'говоря, вератэк 'не говоря'), существительное в сочетании с послелогом *сямен* 'по, согласно, как'. В марийской считается, что неопределенное наклонение имеет настоящее и будущее времена (наст. *кичалашь* 'искать', буд. *кичалышашь* 'искать впредь', *кичалмыла* 'ища').

16. По мнению авторов всех трех «Грамматик», в удмуртском, чувашском и марийском языках имеются глаголы, которые парадигматически занимают особое место — вспомогательные. Но названы они в «Грамматиках» по-разному: в чувашской — «недостаточный и неспрягаемый глагол»: *порь* 'есть, имеется', *полъ* 'быть' (совр. лит. *пур, пул*), приводятся без заголовков и после парадигмы знаменательных глаголов; в удмуртской — слова *вань* 'есть, имеется', *валь* 'был', *вуины* 'успеть, быть', *эвэль* 'нет' названы «глаголами существительными»; считается, что все они имеют одну парадигму; и этот раздел следует, как и в чувашской «Грамматике», после таблиц спряжений знаменательных глаголов; в марийской «Грамматике» глаголы *уламъ* 'я есть', *илемъ* 'я был', *ляямъ* 'я буду' названы «иноспрягаемыми глаголами» и таблица спряжения приводится в начале парадигмы знаменательных глаголов.

Странно, что удм. *эвэль* 'нет' отнесен к вспомогательным глаголам, тогда как соответствующие по значению чув. *сук* 'нет' и мар. *уке* 'нет' в «Грамматиках» не значатся таковыми. Правда, мар. *укэ* приводится, но только в сочетании с вспомогательными глаголами: *укэ уламъ* 'меня нет', *укэ улатъ* 'тебя нет', ср. удм. *монъ эвэль* 'меня нет (я не)', *тонъ эвэль* 'тебя нет (ты не)'.
 17. По-разному преподносятся и объясняются в «Грамматиках» формы выражения отрицания в глаголах. В чувашской «Грамматике»: «Во всех глаголах утвердительного значения, кончающихся на *-аданъ, -адынъ, -еденъ*, когда должно их выговаривать отрицательными, чуваша показанные окончания переменяют на *-мастанъ*...

например, *абь кавярдадылэ 'я прощаю' — абь кавярмастанэ 'я не прощаю'*» (стр. 50). В удмуртской «Грамматике» после таблиц спряжения утвердительных глаголов отмечено: «Тот же глагол с прибавкой в российском языке не» (стр. 50, 71, 86, 94) или «В том же значении показанный глагол с прибавкой на российском языке не» (стр. 63, 78). В марийской «Грамматике» глава об употреблении отрицательных форм в глаголах называется «О отрицательных залогах» (стр. 76—77). В таблицах спряжений отдельных глаголов читаем: «Отрицательный того же глагола *уламэ 'есмэ'*» или «Отрицательный залог глагола действительного» или «Отрицательный того же страдательного общего глагола» (стр. 87, 93, 101 и сл.).

18. В удмуртской «Грамматике» препозитивные отрицательные глагольные частицы почти всегда пишутся слитно: *монэ угвераськы 'я не сказываю', тон удвераськы 'ты не сказываешь', со угвера 'он не сказывает', ми умвераськэ 'мы не сказываем', ти удвераськэ 'вы не сказываете', сойбэ угверало 'они не сказывают'*.

В чувашской «Грамматике» объясняется, как выражается категория отрицаний (стр. 50), но парадигма отрицательных форм глаголов не приводится.

В марийской «Грамматике» препозитивные отрицательные (личные) частицы при глаголах пишутся то слитно, то через дефис, то раздельно: *минь омэ-кичалэ 'я не ищу, не поищу', тынэ отэ-кичалэ 'ты не ищешь, не поищешь', тудо окэ-кичалэ 'он не ищет, не поищет', ме онакичалэ 'мы не ищем, не поищем', те одакичалэ 'вы не ищите, не поищите', нуно оготкичалэ 'они не ищут, не поищут'*.

19. В чувашской и удмуртской «Грамматиках» междометия просто перечисляются. В марийской «Грамматике» междометия классифицируются по функциям, например, междометия «изъявляющие радости», «изъявляющие плачь», «значащие сожаление, призыв, ответ, удивление, восклицание и повеления». В чувашской и удмуртской «Грамматиках» раздел «Междометие» следует после раздела «Наречие» и перед «Предлогами». В марийской «Грамматике» раздел «Междометие» помещен в конце.

20. В удмуртских словах после *ц* обычно ставится мягкий знак или пишутся буквы *я, ё, и: кець 'коза', бакця 'огород', шуцид 'тычина, кол', сырцькиэ 'скворец'* и т. д. В марийских словах после *ц* обычно стоит твердый знак или соответственно *а, о, ы* (а не *я, ё, и*). *Атя шамыць* (лит. *оча шамыч*) 'отцы'; *цалэ* (лит. *чал*) 'седой'; *цогемэ* (лит. *чогаш* 'доносить') 'доказываю', *шырцькыэ* (лит. *шырчык*) 'скворец' и т. д.

21. Нет последовательности в написании одних и тех же типичных и сходных звуков, например, в марийской «Грамматике» для обозначения гласного переднего ряда *й* употребляется буква *ю: йо́кшэ* (совр. лит. *йю́кшэ*) 'лебедь'. В чувашской «Грамматике» для обозначения гласного переднего ряда *й* часто употребляются буквы *ь, у, ю: угь* (совр. лит. *йхе*) 'филин', *хюря* (совр. лит. *хйре*) 'хвост'.

В чувашской «Грамматике» аффриката *ч* обозначается буквой *ч: чилгя* (совр. лит. *чёлхэ*) 'язык'. В удмуртской «Грамматике» она обычно передана буквой *ц: кець* (совр. лит. *кеч*) 'коза'; только изредка *ч* передается буквой *ч: чорыкэ* (и *ци́дрыкэ*) 'рыба', *чеберэ* (и *цэбэрэ*) 'красивый'.

Буква *ь* в чувашской «Грамматике» обычно употребляется для обозначения гласного переднего ряда, несколько напоминающего русский безударный *э* (в современной чувашской орфографии он передается через *э*). В удмуртской «Грамматике» *ь* встречается только в двух словах. В марийской «Грамматике» *ь* вообще не употребляется.

Во всех трех «Грамматиках» употребляется латинская буква *g*.

Из приведенных фактов и краткого их анализа следуют выводы: а) по глубинной структуре разделов (глав), теоретической трактовке отдельных ведущих грамматических норм и стилю изложения рассматриваемые «Грамматикки» никак нельзя признать одинаковыми; б) несомненно, что они составлены, отредактированы, скомпонованы и теоретические положения и правила в них сформулированы разными лицами, т. е. в каждой группе авторов мог быть свой редактор, общий руководитель и, может быть, даже не один. Общее в структуре и отдельных формулировках объясняется тем, что до начала написания «Грамматик» была составлена (по типу существующих в тот период учебных пособий) общая схема построения их. Кроме того,

авторы могли консультироваться между собой или даже заимствовать друг у друга некоторые «теоретические правила».

Мог ли В. Пуцек-Григорович быть автором всех трех «Грамматик»? Занимая высокие духовные посты, он часто переезжал по делам службы с одного места на другое. С 1743 по 1748 год он был ректором Казанской духовной семинарии и архимандритом Спасо-Казанского монастыря, в 1748—1753 годах — уже епископом Нижегородским и Алатырским, с 1753 по 1762 год — архиепископом Петербургским, епископом Тверским и Псковским, с 1762 по 1775 год — архиепископом Казанским и Свияжским, в 1775—1782 гг. — митрополитом Казанским. Трудно предположить, чтобы Пуцек-Григорович мог вести научную работу по совершенно не исследованным языкам — чувашскому, удмуртскому и марийскому; в тот период под руками у него не было и текстовых материалов. Кроме того, нельзя забывать, что в обязанности архиепископа Казанского и Свияжского входило проведение христианизации иноверцев Казанской и Свияжской епархии, строительство богослужебных учреждений, организация монастырей и учебных заведений, где готовили миссионеров и служителей религиозного культа, контроль над изданием религиозной, учебной литературы и богослужением и многое другое. Нельзя забывать, что в этот период и позднее почти вся система просвещения (особенно «иноверцев») находилась в ведении епископов и архиепископов.

В «Грамматике» удмуртского языка отражены лексика, отчасти фонетические и грамматические особенности южного, северного диалектов, а также срединных говоров. Сходное явление обнаруживается в грамматиках чувашского и марийского языков — лексика и грамматические нормы там тоже неоднородны. Трудно допустить, чтобы один человек, занимаясь неродными для него языками, смог изучить в короткий период разные диалекты и отразить их особенности в грамматиках. Утверждения биографов Пуцек-Григоровича и лингвистов (считающих его автором трех «Грамматик») о том, что «Вениамин действительно изучил инородческие языки Поволжья с миссионерскими целями», нужно считать преувеличением. Имеются подлинные свидетельства того, что он не знал, например, удмуртского языка. Известный историк П. Луппов, изучив архивные и литературные источники 40-х годов XVIII века (Вятского края), пишет: «Вскоре после освящения Еловской церкви прибыл на Вятку один из помощников Управителя конторы новокрещенских дел — иеромонах Вениамин Григорович и отправился в Верхнечепецкую верхнюю долю (местность около нынешнего с. Дебесс) Сарапульского уезда для склонения вотяков ко крещению. Так как он совершенно не знал вятского языка, то Вятский епископ дал ему в толмачи Хлыновского посадского человека Тимофея Трефилова» (П. Луппов, Христианство у вотяков, Вятка 1901, стр. 170).

По данным источников, В. Пуцек-Григорович не преподавал «курс русского языка», он вел математику, «пиитику», греческий язык, философию, «знал диалекты польского языка» (А. Благовещенский, История казанской духовной семинарии с 8-мью низшими училищами за XVIII—XIX стол., Казань 1883, стр. 27, 44, 45).

Биографы В. Пуцек-Григоровича подробно описывают весь его жизненный путь, но ни один из них не упоминает о руководстве его составлением или редактированием чувашской, удмуртской и марийской грамматик. В досье Пуцек-Григоровича тоже нет соответствующих указаний. Фразы «представил («Грамматики» — В. А.) в Академию архиепископ Вениамин...» или «сообщенных Академии от его преосвященства архиепископа Казанского Вениамина» (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 546, № 347) совсем не значат, что они написаны самим представляющим. Общеизвестно, что в издательской деятельности Академии существовало правило, согласно которому рукописи для издания должны быть написаны академиками или высшими духовными чинами или высокопоставленными государственными (аристократическими) лицами. Если же работы были написаны другими лицами, то их представляли академики или высшие духовные деятели. Такая иерархия представления рукописей существовала и в синоде.

Мысль о том, что среди местной интеллигенции во второй половине XVIII и начале XIX века уже были знатоки удмуртского, чувашского, марийского и других

языков и вполне для того времени филологически подготовленные, нельзя считать слишком смелой. В 1786 г. Михаил Могилин составил «Краткий отяцкия граммати-ческий опыт» (более 100 стр.); по словам Н. Блинова (Языческий культ вотяков, Вятка 1878, стр. 73), М. Мишкиным в 1795 г. была написана «Новая отяцкая грам-матика». В 1816 году З. Кротов написал книгу «Грамматика отяцкого языка». Все они остались в рукописи. Следовательно, уже во второй половине XVIII века были мест-ные люди, способные составить грамматику удмуртского языка.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. В. Пуцек-Григорович не мог быть автором и общим редактором названных «Грамматик». Он их представил для издания в Академию наук только потому, что занимал высший церковный пост в Казанской и Свияжской епархии; вполне допу-стимо, что идея написания этих грамматик принадлежит ему.

2. «Грамматики» были составлены тремя коллективами авторов — чувашская группа, вотская группа и черемисская группа. В состав групп входили преподаватели-филологи духовной семинарии, новокрещенских и славяно-латинских школ, попы, дьячки, писари, владевшие соответствующими языками, и учащиеся — чуваша, уд-мурты и марийцы. Руководителями могли быть лингвистически подготовленные пре-подаватели или попы.

А. И. Кузьмина, Грамматика селькупского языка. Часть I. Селькупы и их язык. Учебное пособие, под редакцией К. А. Тимофеева и Г. М. Прашкевича, Новосибирск 1974. 265 стр.

Активизация исследований по различ-ным аспектам строя малоизученных са-модийских языков в последнее время ста-ла особенно заметной, и это не может не радовать специалистов-самоедологов, а также лингвистов смежных областей. Значительную часть работ составляют исследования по селькупскому языку, среди которых рецензируемая моногра-фия определенно занимает видное место.

Книга представляет собой только первую часть широко задуманного иссле-дования А. И. Кузьминой, ставящего целью возможно более полное описание истории и культуры селькупов и основ-ных закономерностей строя их языка (по сообщению автора, вторая часть, где бу-дут рассмотрены вопросы морфологии, готовится к печати). Она состоит из «Предисловия» (стр. 3—4), «Введения» (стр. 5—27) и двух основных глав: «Селькупы» (стр. 28—187) и «Фонетиче-ский строй селькупского языка» (стр. 188—263). Композиция книги, хотя и не совсем сбалансированная (о чем подроб-нее будет сказано ниже), в целом соот-ветствует замыслу автора — дать крат-кий историко-этнографический очерк и

основные сведения о фонетическом строе селькупского языка.

Во «Введении» А. И. Кузьмина обос-новывает цели и задачи работы, показы-вает методiku исследования и дает крат-кий обзор источников по истории изуче-ния селькупов и их языка. Здесь спра-ведливо указывается, что «пожалуй, нет ни одного вопроса, относящегося к сель-купскому языку, который в наше время не оставался бы открытым» (стр. 5). Этим положением, в основном, и дикту-ется насущная необходимость и неот-ложность широких комплексных иссле-дований по всем диалектам и говорам сель-купского языка, который к тому же зам-етно изменяется вследствие иноязычного влияния и постепенно утрачивает (особен-но среди молодого поколения селькупов) свою коммуникативную функцию. Язык неотделим от говорящего на нем наро-да, он не поддается адекватному научно-му исследованию в отрыве от истории и общественной жизни носителей его, по-этому в книге столь большое внимание уделено показу истории, условий жизни и быта, материальной культуры сельку-пов. Все это, по словам автора, «дает